

ПО МАНДАТУ СЕРДЦА

НЕДАВНО довелось мне побывать в Горьком, посмотреть в местном драматическом театре «Иркутскую историю». Есть в этом интересном, талантливом спектакле особо примечательное место. Приветствуя появление на свет близнецов Сергеевых, хор в арбузовской пьесе говорит: «Человек родился. Нет, два маленьких человека». Театр исключил из этой реплики одно лишь слово: маленьких. И реплика прозвучала так: «Человек родился. Нет, два человека»... Но всем сидящим в зрительном зале было ясно: речь идет не только и не столько о близнецах Сергеевых, сколько о новом, нравственном рождении Вали и Виктора...

Да, рождается в нашей стране новый человек, человек, у которого приверженность коммунистическим идеалам в сердце и крови и который действует в силу этого всегда и везде по мандату собственного сердца.

И именно об этом человеке и призваны говорить людям драматургия и театр, если они действительно стремятся жить идеями и чувствами своего времени. Ведь современность — это прежде всего человек. Строитель нового мира. Творец новой действительности, моральный кодекс которого, сформулированный в проекте новой Программы партии, находится сейчас в центре всенародного внимания и обсуждения.

В дни, когда этот кодекс вместе со всей Программой будет принят и утвержден XXII съездом партии, театры и покажут свои праздничные спектакли.

Есть среди готовящихся пьес и такие, что уже обошли всю страну и появляются на московской сцене со значительным опозданием, есть и совсем новые. Есть произведения, написанные опытной рукой всеми признанных мастеров. И есть такие, что принадлежат перу дебютантов и подкупают особой, неповторимой свежестью взгляда. Но общее для всех пьес, для всех будущих спектаклей — именно это стремление воспеть и утвердить, как пример, как маяк для миллионов людей, образ создателя нового мира. Образ человека, о котором около тридцати лет назад пророчески писал Горький: он прост и мятежен так же, как велик, а велик он потому, что непримирим и мятежен гораздо более, чем все Дон Кихоты и Фаусты прошлого.

Так что же отличает сегодня драматургический образ этого нового человека? Преданность идеалам коммунизма выражается у него в нетерпимости к недостаткам, к благополучию пресловутого среднего уровня, к стремлению некоторых людей жить не в полную меру сил своих. А эта нетерпимость, органическая, непоколебимая, требует и большой нравственной силы, душевной крепости, неизбывной стойкости.

МНЕ УЖЕ приходилось писать о народной драме Дмитрия Зорина «Весенний гром», которую готовит к XXII съезду Малый театр. Это — одно из самых интересных, острых, по-настоящему талантливых драматических произведений последнего времени. Образ Герасима Маршалова, председателя крупнейшего подмосковного колхоза, человека большого нравственного здоровья и глубоких, тяжких заблуждений, — значительное достижение драматурга. Но мне хочется сейчас привлечь внимание к другому образу — образу звеньевой опытного поля Ольги Крутойровой, снохи Маршалова.

Все есть у этой женщины — орден и слава, почет и довольство. Но нет одного: удовлетворения достигнутым. Рожденная с мечтой о коммунизме, пронесшая сквозь всю жизнь впечатления детских лет от встреч с Ильичем, Ольга Крутойрова не может ни спать, ни есть, ни жить спокойно, зная, что рядом с их богатейшим колхозом существует другой колхоз — «Сырой лог», людей которого Маршалов презрительно именует голодранцами. Не может, зная, что и их колхоз может достичь куда больших результатов, коли расстанется с грехами парадности и самоуспокоенности. И, жертвуя личным благополучием, Крутойрова бесстрашно идет в бой. Идет и побеждает, ибо и правда, и справедливость, и

которым так всегда чуток народ наш, — на ее стороне.

Думается, что, если автор в процессе совместной работы с Малым театром сделает не только двух Василис — мать и дочь Ольги, но и лаборантку Настеньку, механика Парамошу, молодых солдаток Саньку и Параньку, доярку Аришу, плотника Сеньку — Решку не пассивными наблюдателями борьбы Крутойровой против заблуждений Маршалова, против бюрократа на посту секретаря колхозной партийной организации Фомы Дурова, а активными ее участниками, горячими поборниками правды и справедливости, пьеса и ее будущие сценические постановки от этого только выиграют.

В чем главная причина серьезного творческого успеха Дмитрия Зорина?

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ ДРАМАТУРГИИ

В том, мне кажется, что под его пером выглядит сложным и внутренне емким не только образ Маршалова, но и образ Ольги Крутойровой: цельность характера, глубина души, подлинное внутреннее богатство — именно эти качества Ольги и в состоянии вызвать пристальный интерес зрителей.

Казалось бы, мысль о том, что более всего зрителя заинтересовывают такие люди, как Ольга Крутойрова, образы глубоко положительные, настолько очевидна, что не требует пространных доказательств. Тем не менее истину эту понимает далеко не каждый писатель.

В пьесе опытного драматурга Н. Вирты «Желанная» подробно и разносторонне выписан образ председателя Совета Министров республики Кропотова, человека недюжинного, но заблуждающегося. Характер Кропотова раскрывается драматургом все в новых и новых проявлениях, что не может не вызывать у читателя глубокой заинтересованности. А рядом с ним — Джамбаева, секретарь Центрального Комитета партии республики. Она пока только наблюдает, сравнивает, сопоставляет. В действиях же, в поступках почти не проявляется себя. И что же? Знакомство с ней мало что дает и сердцу, и разуму.

Автор, вне сомнения, хотел привлечь наше внимание к гидротехнику Гаевому. Гаевой — человек оригинальный, но, честно говоря, кроме этой, подчеркнутой автором, оригинальности в Гаевом ничего и нет. Одержимость технической идеей? Но ведь одной-то технической идеи для того, чтобы сделать человека духовно богатым и интересным, мало.

Нельзя, говоря о стремлении драматургов к созданию образов людей, живущих по мандату сердца, по велению своей партийной совести, умолчать и о такой важной стороне таланта художника, как чувство времени.

ПЬЕСА Леонида Зорина «По московскому времени» уже поставлена Ленинградским театром драмы имени Пушкина. В творчестве этого драматурга, особенно после надуманной и запутанной пьесы «Увидеть вовремя», новое произведение — несомненный шаг вперед. Автор обратился к действительно проблемам и процессам народной жизни. Но все же и пьеса, и ее герои кажутся во многом устаревшими.

Появись эта пьеса лет 7—8 назад, польза ее была бы безусловна. А сегодня — и схоластически мыслящий секретарь обкома Калмыков, и непонятно в силу каких качеств оказавшаяся на посту руководителя партийной организации нефтепромысла Кистякова, да и сам наираположительнейший герой — секретарь обкома Ларин производят впечатление людей вче-

рашнего дня. Человек сегодняшний — это в первую очередь человек действия, слова и поступки которого не расходятся.

И потом, не пора ли уже перестать преднамеренно, нарочито огулывать героев, нелюбезных сердцу автора? Вы послушайте только разговор Ларина с Калмыковым!

«Ларин: Кто пустил эту мысль, что нет лучшего исполнителя, чем человек, не способный творчески мыслить? Павел, это заблуждение, это страшное заблуждение!»

Калмыков: Милый друг, я стреляный воробей. От способности «творчески мыслить» до нарушения дисциплины один шаг».

Ну почему, почему он так не проходит и откровенно глуп, этот Калмыков? И неужели все обаяние Ларина состоит только в том, что он — на поученье калмыковым, а вкупе с ним и зрителям — изрекает прописные, азбучные истины?

Кстати говоря, Калмыков и Ларин — представители разных поколений. И надо сказать, что извечная тема отцов и детей получает в наши дни под пером иных драматургов толкование весьма странное. Представители старой гвардии неизменно оказываются людьми косными, ограниченными, а все светлые черты принадлежат поколению молодому, неизвестно кем возвращенному и воспитанному. Достаточно вспомнить хотя бы пьесу Мовзона, идущую на сцене Московского театра драмы и комедии.

Вот почему и хочется мне приветствовать образы старой большевички Прасковьи Ивановны в драме А. Софронова «Честность» и старого рабочего-краснопресненца Сворца в пьесе И. Штока «Ленинградский проспект». Прямота и непримиримость Прасковьи Ивановны таковы, что невольно привлекают к ней сердца. У Сворца же эти качества переходят в колючесть и резкость. Многие даже близкие ему люди склонны считать его чуть ли не склочником. Но оба они, и Прасковья Ивановна, и Сворец, — люди горячего, спокойного сердца, нетерпимые к обману и лжи, люди высокой, коммунистической сознательности.

РАНО ЕЩЕ делать окончательные выводы о тех или иных образах, о тех или иных пьесах. В процессе совместной дружеской работы с театрами многое упадет, многое изменится. Сейчас важно подчеркнуть главное — стремление драматургов и театров к созданию образа, выражающего лучшие и типические черты человека нашего времени, хотя и осуществляющееся не везде последовательно, полностью и до конца.

Но хочется надеяться, что недалек день, когда это стремление окажется помноженным не только на талант того или иного писателя, но и на его упорный, каждодневный труд, высочайшую требовательность к себе, на то самое горячее и упорное нежелание мириться с неким «средним уровнем», которое отличает зоринскую Ольгу Крутойрову. Хочется надеяться, что недалек день, когда и театры наши, и зрители получат произведения драматургии, способные по-настоящему встать в уровень с эпохой, с делами людей, подобных Юрию Гагарину и Герману Титову, с делами тех, кто создал для них могучие и прекрасные космические корабли.

Юр. ЗУБКОВ.

Москва, 1961, 15 сентября